

Глава 1

— По-моему, Гуров, ты просто ревнуешь! — со вздохом сказала Мария. — На самом деле все было просто замечательно. И ты заметил — на этот раз даже по-настоящему никто не напился. Прекрасная, можно сказать, творческая атмосфера. Думаю, что и работа у нас пойдет. И наш итальянский гость мне очень понравился.

— Вот это я как раз заметил! — проворчал полковник Гуров, притормаживая на перекрестке и внимательно всматриваясь в сверкание огней на Садовом кольце. На светофоре горел красный.

— Ну, это просто глупо! — шутливо надула губы Мария. — Никак не ожидала от тебя. С твоей рассудительностью, с твоим жизненным опытом...

— А что опыт? — отозвался Гуров. — Я же видел, какими глазами смотрел на тебя этот Джузеппе. У него только что слюни не текли.

Мария легонько шлепнула Гурова по руке, лежавшей на баранке:

— Фу, что за выражения! Во-первых, он не Джузеппе, а Паоло. Во-вторых, это удивительно интеллигентный, тонкий человек, уникального таланта. Он приехал сюда работать, искать новые горизонты. Видеть в его поступках только низменные побуждения — это примитивно, Гуров! Итальянцы всегда преклонялись перед женской красотой, это для них так же естественно, как дышать.

— Или пускать слюни, — вставил Гуров.

— Нет, это невозможно! — вздохнула Мария. — Никогда не ожидала, что ты окажешься таким собственником! Просто домострой какой-то! До сих пор ты был более толерантен.

— До сих пор вокруг тебя не крутились итальянские красавцы с масляными глазами, — возразил Гуров. — И никакой он не талант, помани мое слово. Небось задолжал мафии кругленькую сумму и сбежал теперь в Москву. У них это обычное дело. Выдает тут себя за великого режиссера и пускает пыль в глаза выдающейся актрисе российского театра Марии Строевой.

— Ну, конечно, вот она, логика милиционера! — воскликнула Мария. — Раз итальянец — значит, мафия, раз уехал — значит, скрывается... Ты бы иногда хоть газеты читал! И не только раздел криминальной хроники. Тогда бы ты знал, что Паоло Баттини — круп-

нейший режиссер современности, уважаемая в Европе фигура...

— Какой же он крупный? — упрямо сказал Гуров. — Мелкий бес какой-то. Собирается ставить Чехова, а в качестве декораций хочет построить на сцене железнодорожный тоннель. По-твоему, это режиссер? Наверняка в Италии он занимался концессиями на строительство железнодорожных тоннелей, на чем и погорел...

— Ладно, перестань! — уже по-настоящему сердито сказала Мария. — Если это шутка, то я таких шуток не понимаю.

Гуров пожал плечами. Наверное, жена права. Он чересчур завелся. Она хотела сделать ему приятное, пригласив на вечеринку, которую организовал театр, чтобы отметить знакомство с одной из звезд европейского театра. Само мероприятие прошло действительно неплохо — все были в приподнятом настроении, шутили, обменивались комплиментами с итальянским гостем, обсуждали грандиозные перспективы. На спиртные напитки никто не налегал, это правда. Даже самые отчаянные головы умерили в этот вечер свои богемные порывы — событие неординарное. Итальянец собирался ставить в Москве три пьесы. Насчет железнодорожного тоннеля на сцене Гуров слегка преувеличивал — об этом речи не шло, просто итальянский режис-

сер был сторонником аскетизма в декорациях. Про тоннель кто-то все-таки упоминал, но вскользь и, несомненно, в шутку, причем, кроме Гурова и еще двух-трех человек, никто ее не услышал. Все-таки общее настроение можно было выразить одним словом — воодушевление. И еще, конечно, взаимный интерес. Но с этим было сложнее. Во всяком случае, для Гурова.

К тому, что его жена, Мария Строева, является ведущей актрисой театра, снимается в кино, пользуется огромной популярностью, Гуров не то чтобы привык — привыкнуть к такому нельзя. Скорее здесь подходит определение «свыкся». Будучи человеком ясного ума, железной воли, отлично знающим себе цену, Гуров спокойно относился к толпам поклонников, среди которых зачастую попадались довольно экзальтированные личности. В сущности, весь этот ажиотаж был большой и красивой иллюзией, необходимым атрибутом образа большой актрисы. Уколы ревности Гуров чувствовал нечасто.

Однако на этой чертовой вечеринке что-то произошло. Гуров и сам понимал, что его реакцию трудно назвать реакцией зрелого человека, но не мог ничего с собой поделать. Возможно, причина заключалась в личности самого Паоло Баттини. Наговаривал на него Гуров зря. Духовная сила и энергия этого че-

ловека чувствовались на расстоянии. Про обаяние и говорить не приходилось. Следовало еще приплюсовать сюда южный темперамент — в целом готовый портрет соперника. Это был примитивный, узкий взгляд на ситуацию, к тому же, по большому счету, оскорбительный для Марии. Ничего удивительного, что у нее стремительно портилось настроение.

Гурову не хотелось возвратиться домой на грани размолвки, и он решил спасать ситуацию немедленно. На его языке уже вертелась не слишком удачная, но вполне нейтральная шутка, которая могла бы убедить жену в том, что и до сих пор он тоже шутил и его слова нельзя воспринимать слишком всерьез. Но тут случилось небольшое происшествие, которое заставило Гурова произнести совсем другие слова.

Вся небольшая перепалка и покаянные размышления Гурова заняли всего несколько секунд, и на светофоре еще даже не успел смениться запрещающий красный свет. Но тут неожиданно слева, из-за гуровского «Пежо», вывернулась ярко-красная спортивная машина, из тех, которые Гуров про себя окрестил «пижонскими», спокойно прибавила газу и, пролетев на красный свет, свернула на Садовое кольцо. При этом она едва не чиркнула носом мирно движущийся на зеленый свет «Ниссан», но в последний момент, набрав за-

видную скорость, проскочила опасную зону и весело помчалась дальше. Гурову даже показалось, что он видит, как из-под колес спортивной машины взвилась струйка дыма.

— Без комплексов парнишка! — помотал головой Гуров, провожая взглядом лихача. — Вот из-за таких автомобиль и назвали источником повышенной опасности. Жаль, что на этом перекрестке не оказалось моих коллег из ГИБДД, искренне жаль!

— Не думаю, что это что-нибудь изменило бы, — уничтожающим тоном заметила Мария. — Кроме благосостояния твоих коллег, конечно. Человек, который может себе позволить такую машину, наверное, сумет откупиться и от любого гаишника.

— Ну, во-первых, не от любого, — заступился Гуров за честь мундира. — Не надо обобщать. А во-вторых...

— Послушай, может быть, мы поедем? — перебила его Мария. — Между прочим, уже можно. Даже тем, кто не на красной машине.

Гуров сообразил, что на светофоре уже горит зеленый, и с некоторым смущением исправил свою ошибку — тронулся с места и тоже повернул налево. Спортивная машина была уже далеко.

— Я все думаю, откуда у него деньги? — вдруг задумчиво произнесла Мария. — Некра-

сиво это, но я любопытная, а такие вещи мне, как женщине, особенно не дают покоя.

— Ты сейчас про кого? — поинтересовался Гуров. — Ну, что не про собственного мужа, это понятно, но все равно интересно...

— Да вот про этого владельца «Ламборджини», — ответила Мария, кивая в сторону удаляющейся машины. — Это же наш осветитель. Леша Пчелинцев. На эту его, как сейчас выражаются, тачку у нас весь театр дивится.

— А что, осветители у вас прослойка несостоятельная? — спросил Гуров.

Мария покосилась на него, нахмурилась брови.

— Не смей меня, Гуров! — сказала она. — Я ведь серьезно говорю. Работает парень простым осветителем. Ни интеллекта, ни амбиций особенных за ним никто не замечал. К работе относится, как говорится, в пределах разумного. При этом курит только дорогие сигареты, прекрасно одевается, меняет машины...

— Не забивай себе голову, — посоветовал Гуров. — Мы построили общество равных возможностей. Вот и у твоего осветителя появились, значит, какие-то возможности. Слава богу, если это наследство богатой бабушки. В противном случае вам придется однажды подумать о другом осветителе. Каждому овою свое время.

— Надеюсь, моя информация не станет для тебя руководством к действию? — с легким беспокойством спросила Мария. — Я рассказала тебе это не для того, чтобы ты возбуждал против него уголовное дело...

— Уголовные дела возбуждает прокуратура, — поправил ее Гуров. — Оперуполномоченный — это всего лишь сыщик. Ищейка. И то в том лишь случае, если получает приказ на проведение оперативно-следственных мероприятий. Я не могу хватать каждого, у кого в кармане толстый бумажник. А твоего Лешу Пчелинцева я, может быть, вообще больше никогда не увижу...

— Это вряд ли, — заметила Мария. — Он, между прочим, недалеко от нас живет. В старом пятиэтажном доме. Там даже домофонов на дверях нет.

— Ага, значит, квартирный вопрос твоему миллионеру решить не удалось?

— Да, на пентхаус Леша пока не замахнулся. По-моему, он предпочитает вкладывать деньги так, чтобы пускать пыль в глаза окружающим. Домой ведь каждого не потащишь.

— Это верно. Значит, не такой уж он баснословный богач, — заключил Гуров. — Хотя, конечно, «Ламборджини»...

В глубине души ему было совершенно наплевать на образ жизни неведомого ему осветителя. Гуров даже и не помнил его в лицо, хо-

тя в театре, где служила жена, бывал регулярно. Вот штраф бы за проезд на красный свет он содрал с этого фанфарона с удовольствием. А еще лучше — лишил бы прав годика на полтора. Но сделать этого он не мог по двум простым причинам. Это не входило в его служебные обязанности, и догнать лихого осветителя он все равно уже не мог.

«Что выросло, то выросло, — подумал про себя Гуров. — По-настоящему я еще и благодарен должен быть этому пижону — он отвлек внимание Марии от моей занудной проповеди. Будем надеяться, что эта тема больше не всплывет. Потому что на самом деле этот жизнерадостный итальянец не вызывает у меня никаких положительных эмоций. Бывает такая неосознанная неприязнь между людьми, не зависящая ни от каких личностных качеств. Просто не обязательно выпячивать ее наружу. Будь мудрее, Гуров! А то дожил до седых волос, а ума не нажил».

Про Лешу Пчелинцева он забыл уже через минуту, заговорив с женой о театре. Он знал, что это будет ей приятно. Правда, Мария сразу поняла подтекст беседы и поддерживала ее не слишком охотно. Разговор снова увял и возобновился сам собой, только когда они свернули к дому.

Неожиданно в переулке, которым Гуров решил проехать, они увидели странную карти-

ну. В свете уличного фонаря на тротуаре и отчасти на проезжей части метались человеческие тени. Это было похоже на ритуальный танец в честь каких-то агрессивных богов. Тени кружились вокруг уже знакомого красного автомобиля Леши Пчелинцева, который сейчас сложно было назвать символом роскоши и благополучия, потому что находился он в плачевном состоянии.

Передним бампером «Ламборджини» уткнулся в фонарный столб, и даже издали было ясно, что от соприкосновения пострадали оба — и автомобиль, и столб. Пострадали не критически. Лампа на столбе продолжала гореть, а машина вполне подлежала ремонту.

Похоже, людям, кружившимся рядом, это не нравилось, потому что занимались они весьма своеобразным делом — наносили по корпусу машины удары бейсбольными битами. Все эти подробности Гуров и Мария смогли рассмотреть, подъехав поближе.

В этот момент в голове у Гурова мелькнула странная мысль о том, что, несмотря на довольно скромное распространение бейсбола в стране, бейсбольные биты пользуются устойчивой популярностью среди определенных слоев общества. Но к развитию спорта данный факт не имеет ни малейшего отношения.

■ — Вот дьявол! — сорвалось у него с языка.

Пристально глядя вперед, Гуров мягко нажал на педаль тормоза и остановил машину примерно метрах в двадцати от группы суетящихся людей с битами в руках. Навскидку он определил, что их не меньше шести человек.

Мария еще не поняла, что происходит, но на ее красивом лице тоже появилась тревога.

— Лева, что случилось? Это авария? Что они такое делают? — отрывисто заговорила она, нервно перебирая пальцами ремешок сумочки.

— Побудь здесь, дорогая, — мягко, но твердо сказал Гуров и открыл дверцу машины. — А я сейчас выясню, что они делают. По-моему, это что-то незаконное. Я обязан вмешаться.

— Подожди! — воскликнула Мария, но Гуров уже отошел от машины.

Он почти сразу же перешел на бег, так как понял, что дело плохо. Шестеро плечистых и явно не совсем трезвых граждан с азартом крушили битами дорогую машину, выкрикивая при этом все непечатные и просто оскорбительные слова, которые отложились у них в памяти за долгую несправедную жизнь. Видимо, совсем не случайно в эту минуту переулочек оказался совершенно пустым. От этой компании исходил удушливый и недвусмысленный аромат угрозы, эдакое радиационное облако, уничтожающее вокруг все живое. Гуров, кста-

ти, вспомнил, что милиция в их районе — совсем не частый гость, и надеяться сейчас, в общем-то, не на кого.

С собой у него ничего не было, кроме служебного удостоверения, которое Гуров даже не потрудился достать, потому что не был уверен, умеют ли эти типы читать. У него оставалась слабая надежда на то, что они хотя бы не до конца разучились соображать.

— Прекратить немедленно! — крикнул он на бегу. — Милиция!

В пылу вандализма никто на него и внимания не обратил. По-прежнему только слышался треск обшивки, хруст стекол, хриплое дыхание и беспорядочная матерщина. Компания трудилась так усердно, будто обязалась превратить машину осветителя в металлический фарш.

Гурова очень смутило, что он нигде не видит хозяина машины. Мысленно он предложил самому себе благоприятный вариант — перепуганный Леша Пчелинцев сделал ноги и уже кварталов за пять отсюда набирает «02» на своем мобильнике.

Поскольку на его окрик никто не отреагировал, Гуров решил обратиться на себя внимание более понятным способом. Он уже был за широкой спиной одного из работяг, который как раз замахивался битой, чтобы расколоть чудом оставшийся «в живых» стоп-сигнал. Гу-

ров перехватил его потное запястье, подставил свою спину и хорошим рывком перекинул потерявшего равновесие «бейсболиста» через плечо. Далее он придал ему ускорение и заставил совершить небольшое сальто-мортале, в результате которого разрушитель машин с размаху грянулся об асфальт.

На секунду он застыл, распластанный по тротуару. Глаза его были зажмурены, бита вывалилась из рук и откатилась в сторону. Гуров не стал дожидаться, пока противник осознает свое положение, и, быстро подобрав бесхозную биту, обернулся к остальным.

Как он и ожидал, теперь его заметили все. Пять красных, возбужденных физиономий неприязненно уставились на чужака. Пять пар мутноватых глаз выразили глубочайшее недоумение. Пять пар грязноватых кулаков мяли рукоятки тяжелых бит.

— Спокойно! — заговорил Гуров. — Не нарывайтесь, ребята! У вас и без того неприятностей выше крыши. Я — полковник милиции...

— Мусор! — высоким ненавидящим голосом выкрикнул кто-то из толпы. — Бей мусора!

Гуров понял, что не рассчитал градуса, на который была настроена эта банда. То, что он из милиции, только сыграло роль красной тряпки для этих разъяренных быков. Не раз-

думывая ни секунды, они разом бросились на него.

Гуров перестал стесняться и встретил первого нападающего резким ударом ноги в пах. Тот взвизгнул и откатился в сторону. Зато второй с ходу нанес страшный удар битой, намереваясь одним махом раскроить Гурову череп. Гуров подставил свою и парировал удар. Однако ответить он уже не успел — справа вывернулся еще один и, действуя битой, как штыком, ткнул Гурова своим орудием в печень.

У Гурова перехватило дыхание. Он не удержался на ногах, упал влево, сумев, однако, сгруппироваться в падении и еще раз перевернуться на асфальте, избежав следующего удара. Бита просвистела над его головой и с треском саданула по асфальту.

Гуров понял, что встать ему уже не дадут, и в отчаянном броске, лежа, нанес удар битой кому-то по лодыжке. Ответный душераздирающий вопль показал, что выпад был удачным. Но тут же сверху на левое плечо Гурова обрушилась такая тяжесть, словно на него упал по меньшей мере рояль. Левая рука онемела.

Но не это было самое худшее. На секунду он потерял контроль за своей битой — на нее кто-то наступил и вырвал ее из руки Гурова.

— Дай я! — заорал кто-то над его головой.

Кажется, нападающие слегка помешали друг другу, но наиболее ретивый все-таки сумел дотянуться до цели. Над ухом Гурова ударил огромный колокол, и он мгновенно и, как ему показалось, необратимо оглох. Все его тело, начиная с головы, начало неметь, словно его со всех сторон обложили льдом. Все попытки пошевелить хотя бы пальцем заканчивались полным провалом, и Гуров даже не мог понять причины такой беспомощности — любая мысль тут же ускользала от него, растворялась в кромешной тьме, пока наконец эта тьма не закрыла Гурова со всех сторон.

Очнулся он от запаха нежных духов. Во всяком случае, так ему показалось. Конечно, дело было не в этом. Просто ему повезло, и последний удар битой пришелся вскользь, лишь слегка встряхнув мозги. Но голова еще гудела — в ней никак не мог утихнуть разбуженный колокол. Сквозь легкий туман в глазах Гуров увидел совсем рядом прекрасное, но слишком бледное лицо своей жены. Она сжимала холодными пальцами виски Гурова, всматривалась в его лицо и каким-то странным чужим голосом повторяла:

— Да очнись же! Очнись, прошу тебя, пожалуйста! Лева, миленький!

Она стояла на коленях прямо на асфальте, видимо, уже безнадежно испортив дорогое ве-

чернее платье, и Гуров, подумав об этом, испытал искреннее сожаление.

— Зачем? Брось! Поднимайся! — пробормотал он, силясь поднять тяжелую, как чугун, руку. — Негоже...

— Что ты говоришь?! — В голосе Марии зазвенела радость пополам с отчаянием, и Гуров понял, что из его бормотания она не разобрала ни слова.

Собрав всю волю в кулак, он сумел приподняться на локтях и медленно, но уже довольно отчетливо произнес:

— Маша, прошу тебя, успокойся! Ничего непоправимого не случилось. Кратковременное помрачение — и только...

— Господи! — Мария порывисто прижала его голову к своей груди. — Заговорил!

От этого резкого движения у Гурова снова все поплыло перед глазами, но он заставил себя обойтись без стопа. Мария, впрочем, и сама сообразила, что делает что-то не то. Она бережно отстранила голову мужа и опять жадно устала в его лицо. Теперь по ее щекам обильно текли слезы.

— Господи, я уже решила, что ты умер! — воскликнула она. — Чертов герой! Куда тебя понесло?

— Все нормально, все нормально, — пробурчал Гуров, пытаясь сесть.

Костюм на нем тоже был сегодня не из дешевых, и этот факт еще более смутил его.

— Правда, неловко получилось, — сказал он. — Ты платье испортила. И у меня костюмчик...

— О чем ты говоришь! — с упреком простонала Мария. — Какой, к черту, костюмчик! Лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Кратковременное помрачение! Ты был без сознания минут пять, не меньше. Я чуть с ума не сошла от страха!

Гурову тоже вдруг стало страшно. Его жена оставалась один на один с бандитами целых пять минут, пока он преспокойно отдыхал на асфальте! Он озабоченно оглянулся:

— А где эти?

Мария не успела ответить. Гуров сам увидел лежащее под деревом тело. Оно показалось Гурову знакомым, но лежало далековато от места событий и вызывало вопросы. К тому же тело было одно.

— Они сбежали, — пояснила Мария. — Когда я увидела, что ты погибаешь, я уже не могла оставаться на месте. Схватила баллончик с газом — даже не знаю, действует ли он, я ужасно давно его купила — и кинулась на этих подонков.

— Ты на них кинулась?! — с ужасом произнес Гуров.

— А что мне оставалось делать? — сердито

отозвалась Мария. — Вашего брата, милиционера, на темные улицы не заманишь. Вот и приходится бедной женщине самой решать свои проблемы с недотепой-мужем... Бедный ты мой!

Она опять нежно прижалась к Гурову, оросив его рубашку слезами.

— Я так заорала, — вдруг поднимая глаза, призналась она, — что сама испугалась этого крика. Они, видимо, тоже, потому что, увидев бегущую на них разъяренную бабу с баллончиком в руках, просто сбежали. Попрыгали в свой автомобиль и укатили. Этого они сперва тоже хотели прихватить, но он не мог идти — по-моему, у него сломана нога. Он тоже дико орал, а потом потерял сознание. Они его бросили и уехали.

— Ты хотя бы позвонила в милицию? — спросил Гуров.

— Я позвонила Крячко!

— Почему Крячко? Зачем?! — не понял Гуров. — Нужно было вызвать патрульную службу...

— Я привыкла, что полковник Крячко всегда там, где полковник Гуров, — отрезала Мария. — Как два ботинка. Один правый, другой левый. Естественно, я позвонила ему и сказала, что тебя...

Ее слова были прерваны ревом мотора, свистом ветра, а потом душераздирающим

визгом тормозов. В пяти шагах от места, где они сидели, остановился старый, потрепанный «Мерседес», и из него выскочил полковник Крячко, старый друг и неизменный напарник Гурова. Правда, сейчас он был мало похож на полковника — весь встрепанный, одетый в старые трикотажные шаровары и домашнюю майку, Крячко более походил на дачника, которого спугнул пожар.

— Все целы?! — гаркнул он, с ходу поднимая на ноги Марию и наклоняясь к Гурову. — Так, видимых повреждений не видно. Чем тебя?

— Битой, — сказал Гуров. — Да со мной все нормально. Небольшое сотрясение. Другим пришлось хуже. Видишь, как отделали эту симпатичную модель? Позвони «02» — здесь целая банда порезвилась.

— Уже позвонил, — сказал Крячко. — Сейчас приедут. Но я не вижу тут никакой банды. Лежит какой-то один... Э-э, нет, не один!

Он вдруг заглянул под днище «Ламборджини» и присвистнул:

— Ты прав, кому-то тут навалили по полной программе. Давай-ка извлечем его из-под обломков!

Вдвоем с Гуровым они осторожно вытащили из-под машины лежащего там человека. ■

Он тихо стонал. Лицо его было разбито в кровь.

— Да это же Леша Пчелинцев! — ахнула Мария, прижимая ладони к щекам.

— Дышит, — констатировал Гуров, проверив у раненого пульс. — Думаю, «Скорая» еще успеет доехать. Во всяком случае, будем надеяться. А что с тем — под деревом?

Вместе с Гуровым они подошли к человеку, лежащему под деревом. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что этот участник потасовки в сознании, хотя и старается притвориться бездыханным. Впрочем, состояние его действительно было серьезным. Это был тот самый, которому Гуров взрезал битой по щиколотке. Даже при поверхностном осмотре было заметно, что в голеностопе переломаны обе кости.

Когда человек сел, вскрикнув от боли и прислонившись спиной к стволу дерева, стало видно, что по его туповатому некрасивому лицу стекают крупные капли пота.

— Ну что, кореш, — без обиняков спросил у него Крячко. — Развлекаемся? Скрашиваем однообразие жизни?

Ответом ему стал мутный, ничего, кроме боли, не выражающий взгляд.

— Постой! — сказал Гуров. — Ты кто такой? За что избивали Пчелинцева? Зачем испортили машину? Отвечай!

— Не получится отвечать, мент! — скривив губы, сказал хулиган. — Зря паришься. Мне в больницу положено. Имею право послать тебя на...

— Я тебе pošлю! — Крячко сунул ему под нос увесистый кулак. — До больницы не доедешь.

— Он прав, — сказал Гуров, задумчиво оглядываясь по сторонам. — Подождем. Но я теперь лично займусь этим делом. — Он выразительно потрогал ушибленный затылок. — Запало оно, понимаешь, мне в голову!

Глава 2

— Черт его знает, но никак я не привыкну к этим новомодным штукам! — с тяжелым вздохом проговорил Аркадий Дмитриевич Дементьев. — Понимаю, что никуда не денешься, положение, так сказать, обязывает, но не могу... И потом, я ровным счетом ничего в этом не понимаю! Какие-то лунки, «железо» — номер пять, номер семь!.. Как это можно запомнить?! И зачем все это?! Зачем я, серьезный, состоявшийся человек должен ходить, как корова, по полю и махать клюшкой? К тому же тут полно подъемов... И еще эта чертова тележка сломалась!.. Увлечения у нас, как в Европе, а техника, как всегда — полома-

на, до мастера не дозвониться... И вообще, я последний раз здесь. Все, с меня хватит!

Он поправил на плече ремень сумки, из которой торчали клюшки для гольфа, искоса посмотрев при этом на своего спутника в надежде, что тот, как более молодой и крепкий, предложит свою помощь, но взгляд этот остался без последствий.

Молодой человек, высокий, худощавый, в синей рубашке навывпуск и в белоснежных брюках, думал о чем-то своем, рассеянно поглядывая по сторонам. Они поднимались по склону невысокого холма, покрытого ярко-зеленой травой и низким кустарником. Кое-где из травы торчали флажки, отмечавшие месторасположение лунок. К тому времени, как сломалась симпатичная белая машинка, на которой так весело было бы катить обратно по игрушечному изумрудному газону, они с Дементьевым зашли довольно далеко. Леонид Калинин — так звали молодого человека — прекрасно видел, что его не слишком спортивному спутнику нелегко тащить свою ношу, но предлагать свои услуги он не собирался. Во-первых, клюшки принадлежали не ему, а во-вторых, это было вообще не в характере Калинина — предлагать кому-то свою помощь. Он предпочитал получать — это был его главный жизненный принцип.

Однако слова Дементьева его позабавили. Он с легкой улыбкой посмотрел на Аркадия Дмитриевича, который, пыхтя и обливаясь потом, тащил свой инвентарь на вершину холма, как трудолюбивый, но очень сердитый муравей.

— Зря вы зарекаетесь, Аркадий Дмитриевич! — заметил Калинин. — Вы человек определенного круга. Не в футбол же вам играть! И потом, гольф, по-моему, совсем неплохое занятие. Просто нужна привычка. Вы, вероятно, мало двигаетесь?

— Да, работа у меня сидячая! — сердито ответил Дементьев. — Я не молотобоец. Мое дело — переговоры, контракты, рекламные акции, командировки по регионам. Я думал, что этот чертов гольф как-то меня подбодрит. На самом деле я бы куда охотнее посидел с удочкой на берегу пруда. Я простой человек на самом деле, и желания у меня самые простые. Не понимаю, почему мы во всем равняемся на этот чертов Запад?..

Калинин снова улыбнулся.

— Однако же клюшки вы себе купили, Аркадий Дмитриевич, — заметил он. — А это недешевое удовольствие. Значит, тоже было желание равняться на загнивающий Запад?

— Да ничего не было! — раздраженно отозвался Дементьев. — Сами же говорите — определенный круг общения. Поневоле прихо-

дится соответствовать. Но, чувствую, моему терпению приходит конец. Пусть другие... И ведь вы посмотрите, Леонид, кроме нас с вами, сегодня здесь ни одного дурака!

— Просто мы с вами специально выбрали такое время, чтобы спокойно потренироваться, — напомнил Калинин. — Разве вы забыли?

— Да все я помню! — проворчал Дементьев. — В кои веки взять выходной и так бездарно его потратить! Я бы мог съездить куда-нибудь в деревню, посидеть с удочкой на берегу...

— Опять посидеть! — перебил его Калинин. — Это не дело, Аркадий Дмитриевич. Нужно двигаться. Двигаться! Наше время — время подвижных людей. Кто не движется, тот сходит с круга. А деревня... Какая может быть деревня, Аркадий Дмитриевич? Не смешите меня!

— Между прочим, мы все из деревни вышли, Леонид! — с легким упреком сказал Дементьев. — И вся наша родина — это большая деревня. Там наши истоки. И ваши тоже. Зря вы так нос задираете.

— А я не задираю, — усмехнулся Калинин. — Просто вы опоздали. Деревня умерла. Уже давно. Вы что, газет не читаете? Глобализация неизбежна. Все, что так дорого вашему сердцу, пойдет на свалку истории. Вы сами-то чем занимаетесь? Корпорация «Здоровье пла-

неты!»! Тренажеры и специализированные диеты для тех, кто выбирает здоровый образ жизни! Эта ваша продукция по карману знаете кому?

— Представьте себе, знаю! Но я также знаю, что забывать свои корни — безнравственно. Вы моложе меня и, наверное, абстрактно себе представляете, каково это — жить впроголодь, без крыши над головой...

— Бросьте, Аркадий Дмитриевич! — легкомысленно сказал Калинин. — Вы про истоки вспомнили, потому что устали. А мы уже пришли. Сейчас в душе сполоснемся, пивка выпьем, и жизнь заиграет, как бриллиант... Посмотрим, вспомните ли вы про деревню, когда за руль своей «Мазды» сядете и к себе в офис поедете. Комфорт, скорость... Вы ведь поедете в офис, я угадал?

— Надо будет зайти, — буркнул Дементьев. — Развеемся после этой каторги.

Они перевалили через холм, и теперь их глазам открылась уютная зеленая долина, с краю которой находились симпатичные белые домики. От этой картины на душе у Дементьева полегчало.

— Конечно, по большому счету, вы правы, Леонид, — окрепшим голосом сказал он. — Вспять время не повернешь. Наверное, прогресс — это не только приобретения, но и потери, к великому сожалению...